

и Ислам-Гирей: «опосля свое невежество познал, да между себя со царем людей посылали и царево величество, что в которые времена лихие дела деланные, и он ту черность с его лица белым молоком смыл». ³⁷ В грамоте Саадет-Гирейя Василию III, улаживающей конфликт с татарскими торговыми людьми, у которых наторгованный ими в Москве товар был взят в казну, сказано так: «Ино бы послом нашим и гостем между нами убытков не было, чтобы сиротина робя и жонка вдова и гостинные караваны ходили бы молвя безо всякого задержания». ³⁸

Подчас татарские грамоты написаны в манере разговорной, как если бы хан сам непосредственно разговаривал со своим адресатом. Возможно, разговорность эта вызвана большой ролью устного слова в дипломатическом деле, получением известий в устной передаче гонцов, необходимостью не писать, а передавать свои речи с послами, или тем, что грамоты диктовались султаном. Саадет-Гирей упрекает Василия III в том, что он не почтил гонцов по старому обычаю: «Одно слово есть: только кто государя почтил и он и собаке его кость покинет. Уже как с нами захочешь в дружбе и в братстве быти и взмолвиш, чтобы добро было, и ты б ныне которые наши гонцы к тебе поехали и ты б их гораздо почтил, а не говорю тебе, чтоб еси их излишне почитал, чтоб еси их почтил, как наперед того по старине их чтили». ³⁹

Русский автор в татарских грамотах ощущал некоторую литературность, отличия их от стиля русских деловых документов. Образные титулы-сравнения, бытовые сценки целиком могли быть перенесены в произведения.

* *
*

Литературная начитанность деятелей Посольского приказа не ограничивалась материалами дипломатических документов. Это были люди, владеющие богатством современной им литературы как религиозной, так и светской. Они принадлежали к той части русского общества, в которую особенно быстро проникали достижения культуры, в которой широко была распространена рукописная и печатная книга. Быстрое восприятие новых веяний литературы и культуры в среде служащих и деятелей Посольского приказа было вызвано в какой-то степени их постоянной связью с границей, с востоком и западом, откуда они черпали новые впечатления. С другой стороны, сам род деятельности воспитывал в них приверженность к традиции, ибо традиционен был посольский ритуал и мало подвергались изменениям формы посольского делопроизводства. Деятельность Посольского приказа опиралась на официальную идеологию и основанную на ней государственную теорию богоизбранности царской власти. Таким образом, с одной стороны, устные легенды, народные сказки, не только русские, но и слышанные за границей, с другой — использующиеся в посольском деле при составлении грамот, для исторических ссылок летописи, хронографы, Степенная и Царственная книги; с одной стороны, чисто светский, деловой характер документов, написанный простым языком, близким местами к разговорному, с другой — религиозный пафос официальных произведений, обильно употреблявшихся формы церковно-славянского языка, — вот источники, на которых формировался литературный кругозор и вкус писателей из среды Посольского приказа. Отсюда и двойственность стиля, присущая произведениям, выходящим из-под пера этих авторов. Мы уже отметили связь Переписки с татарскими и турецкими дипломатическими

³⁷ ГПБ, Эрм. 550/10, л. 238.

³⁸ ГПБ, Эрм. 550/10, л. 227 об.

³⁹ ГПБ, Эрм. 550/10, лл. 225 об.—226.